

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ГАЛАКТИКА ГЕРБЕРТА МАКЛЮЭНА

Файзулла Абдуллаевич МУМИНОВ

Доктор филологических наук, профессор
Факультет международной журналистики
Узбекский государственный университет мировых языков
Ташкент, Узбекистан

ГЕРБЕРТ МАКЛЮЭННИНГ ТЕХНОЛОГИК ГАЛАКТИКАСИ

Файзулла Абдуллаевич МЎМИНОВ

Филология фанлари доктори, профессор
Халқаро журналистика факультети
Ўзбекистон давлат жаҳон тиллари университети
Тошкент, Ўзбекистон

HERBERT MCLUHAN'S TECHNOLOGICAL GALAXY

Fayzulla Abdullaevich MUMINOV

Doctor of Philology, Professor
Faculty of International Journalism
Uzbekistan State World Languages University
Tashkent, Uzbekistan famuminov@mail.ru

UDC (УЎК, УДК): 070.1

For citation (иқтибос келтириш учун, для цитирования):

Муминов Ф.А. Технологическая галактика
Герберта Маклюэна//Ўзбекистонда
хорижий тиллар. — 2020. — № 6 (35). — С.
120–149.

<https://doi.org/10.36078/1614449385>

Received: November 16, 2020

Accepted: December 28, 2020

Published: January 20, 2021

Copyright © 2020 by author(s).

This work is licensed under the Creative
Commons Attribution International License
(CC BY 4.0).

[http://creativecommons.org/licenses/
by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Open Access

Аннотация. Статья является третьей, заключительной частью цикла «Две галактики: языковая галактика Ноама Хомского и технологическая галактика Герберта Маклюэна» (См. № 1, 5 за 2020 г.). В настоящей части предпринята попытка доказательства ряда идей, связанных с нетрадиционным толкованием канадским ученым Гербертом Маклюэном восприятия со стороны массовой аудитории сообщений медиа. Так, в отличие от своих предшественников, Г. Маклюэн считает, что представители аудитории в первую очередь воспринимают то, *как* медиа воздействуют на массы, а не то, *что* они сообщают. Канальная специфика медиа, считает ученый, является более важной по сравнению с передаваемым им содержанием новостей. Таким образом, в основе функционирования любого медиа, как считает ученый, лежат прежде всего именно индустриально-информационные технологии воздействия на аудиторию, которые носят тотальный характер. При этом данные технологии обладают двусторонним воздействием. Во-первых, журналисты, через канал передачи информации, влияют на аудиторию. Во-вторых, аудитория, в зависимости от того, как она воспринимает информацию, влияет на журналистов, опять-таки через канал передачи. Как показало изучение творческой биографии Г. Маклюэна, подобный подход был настолько новым, что окружающие его ученые его не воспринимали его идеи в течение 30 лет. И, как бы восполняя этот пробел, сегодня специалисты называют его пророком медиа.

Ключевые слова: медиа; технологии; воздействие; информация; чувство; рассудок и разум.

Аннотация. Мазкур мақола “Икки галактика: Ноам Хомскийнинг тил галактикаси ва Герберт Маклюэннинг технологик галактикаси” деб номланган туркумнинг учинчи, якуний қисмидир. Ушбу қисмда канадалик олим Герберт Маклюэннинг оммавий аудитория томонидан медиа хабарларини ноанъанавий қабул қилиниши билан боғлиқ бир қатор ғояларини исботлашга ҳаракат қилинган. Касбдошларидан фарқли ўлароқ, Маклюэннинг фикрича, аудиториянинг диққати хабарларнинг мазмунидан кўра кўпроқ, биринчи навбатда, медиа оммага қандай таъсир қилганига қаратилади. Олимнинг фикрича, медианинг канал хусусияти уларда берилган янгилик мазмунидан кўра муҳимроқдир. Шундай қилиб, олимнинг қарашларига кўра, медиалар фаолиятининг асосларини, энг аввало, тотал характерга эга бўлган индустриал-ахборот технологиялари ташкил этади. Бу ҳолатда мазкур технологиялар икки томонлама ўзаро таъсирга эга бўлади. Биринчидан, журналистлар ахборот узатиш канали орқали аудиторияга таъсир этади. Иккинчидан, аудитория, айнан шу канал ёрдамида, ахборотни қандай қабул қилганлик даражасига қараб, журналистларга таъсир этишга ҳаракат қилади. Г.Маклюэннинг ижодий таржимаи ҳолини ўрганиш шуни кўрсатмоқдаки, мазкур ёндашув шу қадар янги бўлиб чиқдики, мутахассислар олимнинг ушбу қарашини 30 йил давомида қабул қилолмаганлар. Мазкур бўшлиқни тўлдириш учун бўлса керак, бугунги кунда мутахассислар томонидан Маклюэнга медиалар башоратчиси деган нисбат берилмоқда.

Калит сўзлари: ОАВ; технология; таъсир; ахборот; ҳис-туйғу; сабаб.

Abstract. It is the third and final part of the series "Two Galaxies: Noam Chomsky's Language Galaxy and Herbert McLuhan's Technology Galaxy".

In this part, an attempt is made to prove a number of ideas related to the non-traditional interpretation by the Canadian scientist Herbert McLuhan of the perception of mass media messages by the mass audience. Unlike his predecessors, Mr. McLuhan believes that audience primarily perceives how the media affects the masses, and not what they report. According to the scientist, the channel specificity of the media is more important than the news content transmitted through it.

The functioning of any media, according to the scientist, is primarily based on industrial and information technologies of influence on the audience, which are of a total nature. At the same time, these technologies have a two-way impact. First, journalists, through the channel of information transmission, influence the audience. Secondly, the audience, depending on how it perceives the information, influences the journalists, again, through the transmission channel.

As shown by the study of the creative biography of G. McLuhan, this approach was so new that the scientists around him did not perceive his ideas for 30 years. And, as if to fill this gap, today experts call him the prophet of the media.

Keywords: media; technology; impact; information; feeling; reason.

Введение: почему и раньше, и сейчас Герберта Маклюэна не понимают и не воспринимают ученые. Прежде всего надо разобраться в вопросе о том, что, собственно, произошло, почему гений в области медиа не был принят научным сообществом?

Решающий перенос Маклюэном акцента в деятельности медиа — от их функции *средства* массовой информации (т.е. понятия достаточно широкого и, в силу этого, неопределенного) к функции *технологии* воздействия с помощью определенного канала массовой

информации и на именно такое его восприятие со стороны аудитории есть революционное открытие. Но оно не было понято и не принималось более 30 лет. К сожалению, многие не воспринимают Маклюэна и сейчас. Все дело в том, что ударение им было сделано преимущественно на технологии воздействия, с одной стороны, и восприятия — с другой, поэтому он не был понят. По крайней мере, при жизни Маклюэна его так и не признали.

Основными положениями настоящей статьи будут:

- 1) Более глубокое проникновение Маклюэна в суть медиа, не свойственное другим исследователям;
- 2) Широта подхода, характерная для ученого;
- 3) Демонстрация необходимости перехода в теории журналистики от средства воздействия к технологии воздействия, т.е. ставка на технологическую сторону вопроса;
- 4) Анализ психологии человека, того, **как** он воспринимает массовую информацию, поступающую к нему по определенному каналу.
- 5) Интенсивный анализ Маклюэном психологических характеристик аудитории при познании ею сообщений медиа.

Последние два момента являются главными в настоящей статье. Человеческая психология — это первый и ведущий, фундаментальный и безусловный критерий Маклюэна как исследователя, определяющий вектор его теории, хотя сам он об этой психологии не писал. Но она им глубинно подразумевалась, хотя открыто не характеризовалась. Как индивид постигает информацию, как он реагирует на специфичные особенности-раздражители канала, что в психологии человека и для психологии человека в данном плане первостепенно — такие положения являются наиболее значимыми в понимании того, как Маклюэн характеризует и оценивает медиа.

Научный мир понимал медиа как источник информации, тогда как Маклюэн — как раздражитель чувств, возбуждаемых при приеме информации. Упрощенно говоря, это было, так сказать, разумное постижение массовой информации у остальных и чувственное ощущение массовой информации у Маклюэна. В центре внимания первых теоретиков находится рациональное — сознание, рассудок, разум. В центре внимания Маклюэна фигурирует интуитивное, бессознательное, т.е. собственно подпороговые чувства. А поскольку сила чувств во много раз и безусловно превосходит силу разума, то Маклюэн был не просто прав, а бесспорно прав, хотя и его позиция не совпадала с мнениями остальных. К тому же здесь примешивалась его дерзкая, часто грубая манера изложения, что раздражало мир теоретиков медиа. Очень большое значение имеет именование им своей книги как «Понимание медиа». Таким образом, уже в названии книги содержалась скрытая ирония в адрес специалистов, которые воспринимают медиа не так, как это нужно.

Остальной научный мир не принимал Маклюэна потому, что он был необычным исследователем и по содержанию, и по форме, в результате чего активно и действенно противостоял данному миру. По содержанию он был технологом, а точнее — чувствоведом. Смысл его теории был чуть ли не противоположным установившимся традициям в науке о журналистике. По форме он был максималистом высокого полета, бескомпромиссным и ироничным. Маклюэн настолько глубоко проник в воздействие медиа на человека, что дошел до самых

первоисточков, первопричин, первоэффектов, на что у других, скажем прямо, не хватило способностей.

Приведем несколько примеров. Его следующую мысль трудно оценить иначе, как весьма прозорливую, если не гениальную. «...В цепи автоматизации потребитель становится производителем подобно тому, как читатель мозаичной телеграфной прессы делает собственные новости или даже *сам является* собственной новостью» (6, 402). Его заявление о том, что человек сам является для себя его собственной новостью, конечно же, не могло быть принято окружающими, такую мысль и сейчас, спустя более пятидесяти лет после публикации книги «Понимание медиа», понять трудно. Но в этом весь смысл маклюэновского подхода. Ларчик открывается просто — Маклюэн считал, что «человек есть мера всех вещей» (Протагор). Кроме того, он уже тогда упомянул об интерактивности медиа, о которой другие специалисты, применительно к СМИ, стали говорить 20–30 лет спустя. Подобными сколь справедливыми, столь и экстравагантными заявлениями изобилуют обе его книги.

Приведем еще два примера — косвенной и прямой иронии. В качестве первого: «Герцог Глостерский говорил Эдуарду Гиббону по случаю выхода в свет его книги “История упадка и разрушения Римской империи”: “Еще одна чертова жирная книга, а, мистер Гиббон? Все пописываем, пописываем, пописываем, а, мистер Гиббон?”» (6, 180). Тем самым автор намекал на то, что его современники часто пишут большие по объему и бессодержательные по наполнению произведения. А вот его прямой упрек в некомпетентности известному ученому Уилбуру Шрамму, одному из авторов знаменитой книги «Четыре теории прессы»: «Проф. Уилбур Шрамм предпринял такой тактический ход в своем исследовании “Телевидение в жизни наших детей”. Он нашел такие места, куда телевидение вообще до сих пор не проникло, и провел там несколько тестов. Поскольку он не ставил перед собой задачи исследовать особую природу телевизионного образа, его тесты выявляли “содержательные” предпочтения, длительность просмотров и словарный запас. Словом, его подход к проблеме был книжно-письменным, пусть даже он этого не сознавал. Поэтому ему и нечего было сообщать» (6, 24). У. Шрамму нечего было сообщать аудитории потому, что ощутимых результатов он не получил. Да и в целом результаты исследования Шрамма не вполне соответствовали, по мнению Маклюэна, собственно своеобразию телевидения.

Описывая канальную специфику того или иного типа медиа, Маклюэн по содержанию не только говорил о неожиданных и сложных вещах, но и делал это в невежливой форме и, таким образом, оказывался как бы дважды «неправ»: во-первых, говоря о трудно познаваемом; во-вторых, делая это в неучливой форме. Тем самым он как бы перекрывал доступ к тому, чтобы его восприняли. Он был резок и прямолинеен в принципе, как и созданная им теория. Из «Галактики Гутенберга» и «Понимания медиа» можно привести немало примеров его словесных выпадов, которые подтверждают это. Маклюэн и его научное окружение — это были как бы два противостоящих друг другу полюса восприятия медиасредств, отсюда различия между собой и даваемые ими оценки.

Словом, Маклюэн иронизировал над своими собратьями по научному цеху широко, глубоко, массово, многократно и непрерывно, подбирая для этого удобные случаи, корил их в непонимании, в

недальновидности, был бескомпромиссен, упрям и нелюбезен. Результат — более 30 лет его неприятия, хотя впоследствии он был признан гением, даже пророком медиа.

Понятно, что, когда над человеком иронизируют, когда ему дерзают и он это чувствует, он не может принять самые простые вещи, даже когда их истинность очевидна, не говоря уже о тех глубинных наблюдениях, которые были характерны для Маклюэна. Но ученому был свойствен именно такой подход. Возможно, что причиной его столь пронзительного проникновения в суть вещей и нетерпимого характера послужила его неуравновешенность из-за опухоли в голове, о чем мы скажем в самом конце.

Маклюэн мало кого из современников называл по имени и в основном предъявлял свои претензии к научному сообществу в целом, у представителей которого в таком случае разыгрывало чувство его группового неприятия. Нелюбовь к Маклюэну была скорее проявлением стадного инстинкта его окружения. Хорошо, что это не останавливало его и он развивал дальше свое проникновение в мир медиа, не только продолжал, но и успел в основном изложить свои взгляды на медиа в системном, глубоко научном, удивительно прозорливом и проникающем в умы читателей виде. Это просто счастье для журналистской науки и профессиональных кругов, для всей общественности, что он успел сделать это незадолго до того, как серьезным образом заболел и после этого перестал писать.

1. Понятие Галактики. Человек в галактике и галактика в человеке. «Галактика (galaxy), системы звезд и межзвездной материи, составляющие Вселенную, сильно различаются по размерам, составу, строению и активности, почти все образуют группы, или скопления, насчитывающие от нескольких до 10 000 галактик. Галактики включают от нескольких млн до нескольких триллионов звезд. Во многих галактиках, как в нашей системе Млечного пути, обнаруживаются только туманности...» (4, 221). Многие известные словари дают подобное же, чисто физическое разъяснение Галактики.

Это позволяет нам сделать вывод о том, что Маклюэн использовал данное слово в переносном значении, конкретно имея в виду высшее и максимальное наполнение смыслом слова «печать». Это предельное толкование, больше и шире которого ничего нет. Таким образом можно сказать, что понятие «галактика» было использовано Маклюэном в названии его книги не в буквальном, физическом, а в социологическом значении. В этом смысле будем применять данную дефиницию и мы.

Человек в Галактике — единственное рационально мыслящее существо и, если говорить шире, единственная цивилизация. Он соотносится со всем, что его непосредственно окружает, и делает он это при помощи взаимодействия с использованием чувств и разума. Различные и многообразные технологии лежат в основе человеческого существования и развития, потому что они есть сам путь формирования человека в течение миллионов лет — это фундаментальное положение, базовый инстинкт, основа чувственной конституция человека. Как показывает практика, глубинный механизм, глубинное содержание человеческого развития обусловлено именно чувственными технологиями.

Как объект информационно-технологического воздействия, человек обладает особыми, феноменальными качествами, которых близко нет у других представителей живого мира. Индивид есть самый

полноценный природный объект и в то же время он есть раб своих чувств и разума, привязан к ним, потому что сам создан и как их продолжение, и как полное единство с ними. В том, что разум человека является технологией, у нас нет сомнения. Ниже мы попытаемся рассмотреть более сложный вопрос о том, являются ли технологией чувства?

Относительно галактики в человеке можно сказать следующее. Все, что существует, неизменно отражается в самой личности, данное отображение обуславливается как внешней, так и его внутренней природой и формирует его физическую конституцию. Это главное условие существования индивида, а также любой социальной технологии, в которой он задействован. Поэтому вся жизнь человека технологична, т.к. он единственно и однозначно всегда жил тем, что отражал информацию и действовал в соответствии с данным отражением. Он жил и работал с поступающими к нему сведениями посредством своих чувств, т.е. чувственно получал, перерабатывал и передавал информацию. Словом, нет человека вне чувственной обработки им поступающей к нему информации, это и есть его технологическая галактика.

В то же время человек — активно воспринимающая и отражающая информацию биосоциальная машина. Его физиологический и нервный строи представляют собой открытые системы. Именно в этом смысле в приводимой ниже цитате организм человека представлен как единая коммуникационная сеть. Или, говоря другими словами, его физический организм и есть целостная коммуникационная сеть. Автор пишет: «Если политические и коммерческие институты приобретают благодаря электрическим коммуникациям биологический характер, то для таких биологов, как Ганс Селье, стало в наше время обычным делом мыслить физический организм как коммуникационную сеть...» (6, 281). Таким образом, мы видим, что здесь есть новое понимание информации — как универсальной, галактической категории.

Вместе с тем это означает, что в повседневной жизни происходит непрерывное *нейролингвистическое воздействие* на человека и *нейролингвистическое восприятие* им окружающей действительности. Второе даже более важно, потому что физические потоки медиа воздействуют на нейролингвистическое состояние индивида и восприятие им поступающей информации. В этом весь ключ понимания медиа, т.е. в конечном счете это все равно технологии.

Словом, человек предстает перед нами как многосложный чувственный комплекс, а точнее — как воспринимающе-перерабатывающе-воспроизводящий информационный комбинат. Это универсальный, максимальный комбинат в пределах самого человека. Его значимость столь высока, что мы вправе говорить о незначительных объемах органов человеческого тела и о его чувствах в большом галактическом измерении.

Таким образом, мы можем подытожить вопрос о том, почему технологии Маклюэна названы галактикой? Потому что речь идет об огромном мире того технологического медиавоздействия, который он описал и охарактеризовал. По большому счету, речь идет о глобальном единстве чувств и разума, что и составляет галактику человека.

2. Традиционное понимание технологии по словарям. Технология как социальное явление с человеческим фактором в центре. Слово «технология» впервые использовал Иоганн Бекман в

1772 г. Сегодня под данным термином почти все словари понимают одно и то же: «Технология представляет собой сложную развивающуюся систему артефактов, производственных операций и процессов, ресурсных источников» (9); «Технология — практическое применение знания и использование методов в производственной деятельности» (3); «Совокупность производственных методов и процессов в определенной отрасли производства, а также научное описание способов производства» (8); «Совокупность приемов и способов получения, обработки или переработки сырья, материалов, полуфабрикатов или изделий, осуществляемых в различных отраслях промышленности, в строительстве и т.д.» (2) и др.

Таким образом, если попытаться разобраться с теориями тех же самых известных медиаведов, то станет ясно, что они строят свои концепции только или в основном на рациональных рассуждениях, в лучшем случае на рациональном восприятии сообщения медиа со стороны аудитории. Происходит так, видимо, потому, что во времена СССР длительное время выше всего ставилась человеческая воля. К технологиям же в эти долгие десятилетия было несколько сдержанное отношение, что вылилось в технологическом отставании страны, а также в том, что во многих словарях отсутствует статья «технология», но в то же время они изобилуют дефинициями «технизм», «технократия», «технологический детерминизм», «технофобия» и т.п. На Западе же технологии были все это время в гораздо большем почете.

И только авторы «Новейшего социологического словаря» (2010 г.) обращают внимание на вторую сторону вопроса: «Однако слово “технология” означает “не столько машины и инструменты, сколько то представление о мире, которое руководит нашим восприятием всего существующего”. Согласно Тоффлеру, в сложной архитектонике общества и его динамике решающая роль принадлежит “техносфере”, которая производит и распределяет блага и в соответствии с изменениями, в которой изменяются социо- и инфосферы, в свою очередь влияющие на сферу власти и психосферу» (7, 1122). Так что технология — это сложный комплекс взаимоотношений человека, общества и природы, в основе которого находятся чувства индивида.

Слова Дж. П. Гранта об отношении к технологии как к представлению «о мире, которое руководит нашим восприятием всего существующего» означают чувственное воздействие как влияние на многочисленные слуховые и зрительные рецепторы, которых в человеческом организме огромное и разнообразное множество.

3. Понятие технологии по Г. Маклюэну. Следует обратить внимание на высокую степень проницательности Г. Маклюэна, часто говорящего о том, как глубоко проникают технологии в глубь человека. «Являясь социальным животным, создающим орудия труда, — пишет ученый, — человек с давних пор был занят тем, что (посредством речи, письма или радио) развивал те или иные органы чувств таким образом, что это влияло на все остальные его способности» (6, 21). Из слов Маклюэна можно сделать очень важный вывод — механической технологии предшествует чувственная технология. Что касается социального животного, то еще Аристотель называл человека зоополитикон, т.е. политическое животное.

Ученый утверждает, что переживание играет решающую роль в жизни человека: «...Не понимание, а именно переживание влияет на поведение, особенно в коллективных материях средств и технологий, где индивид почти неотвратно не сознает того воздействия, которое

они на него оказывают» (6, 365). Вот это и есть основа основ технологии. Таким образом, технологии — это работа чувств. Всесилие технологий обусловлено тем, что они включают в работу человеческие чувства. Это проникновение в самую суть. Именно поэтому происходит то, о чем с тревогой пишут и что всячески подтверждают в последние годы медиаведы — обладатели СМК безусловно господствуют над нами самими: «Как только мы отдали свои чувства и нервные системы в плен частному манипулированию тех, кто должен пытаться извлечь выгоду из аренды наших глаз, ушей и нервов, у нас реально не остается больше никаких прав» (6, 81). Поэтому, несомненно, человек является пленником своих чувств.

То, что Маклюэн ставит на первое место чувства, в этом не может быть сомнения. Он делает так не потому, что он литературовед, хотя, возможно, это повлияло на его мировоззрение, а потому, что он именно медиавед. При этом он прекрасно понимает, что есть не только чувственная, но и механическая технология.

В чем суть последней технологии? Каково ее внутреннее содержание? Вот прекрасная характеристика Маклюэном механической (здесь более подходит слово технической) технологии. Здесь ученый сделал это лучше, чем многие другие: «Что делает механизм? Он отделяет и расширяет вовне отдельные части нашего тела, например, ладонь, руку, ступни в ручку, молоток, колесо. Механизация той или иной задачи осуществляется за счет сегментирования каждой части действия на ряд единообразных, повторяемых и заменяемых частей. Прямо противоположное характерно для кибернетизации (или автоматизации), которая определяется не только как способ действия, но и как способ мышления. Вместо того, чтобы заниматься обособленными машинами, кибернетизация подходит к производственной проблеме как к интегрированной системе обработки информации» (6, 282). Таков механизм происхождения технической технологии. Отсюда следует несколько выводов.

Во-первых, расширение ладони, руки, ступни в ручку, молоток и колесо является технологическим процессом. Во-вторых, сегментирование, т.е. разделение, является важнейшей технологической операцией. Вспомним факт, приведенный основоположником классической политэкономии Адамом Смитом. Он утверждал, что если работа по изготовлению булавок разделена на части (один выпрямляет проволоку, второй ее обрубает, третий затачивает и т.д.), то одно и то же количество мануфактурщиков изготавливают за то же самое время в несколько раз больше булавок, чем если бы каждый делал булавку сам от начала до конца. В-третьих, нетрудно провести аналогию и заметить, что по пути дробления пошли и изобретатели компьютера, достигшие в данном разделении максимума, т.е. сведя цифры, которые умеет читать машина, всего к двум — 0 и 1.

То же самое делают медиа, только это гораздо труднее уловить. Именно этот механизм, подобное, так сказать, многонаправленно расщепленное воздействие медиа на потребителя и показал Маклюэн в своих книгах. Гутенберг при помощи разбивки прежде сплошного текста на отдельные буквы и их переноса в новые слова изобрел механический станок, после чего только спустя длительное время стал возможен переход к автоматическому набору букв. Мелочь мелочью,

но это послужило одним из факторов перехода человечества от индустриального к информационному веку.

Почему технологии захватывают нас целиком? Потому что они воздействуют на чувства. Специфика чувств такова, что они целостны, едины и поглощают человека полностью, тогда как разум дискретен, он делим, дробится на части, в нем одно можно отделить от другого, например, две цифры друг от друга или анализируемые части какого-либо единого объекта.

«Когда наши чувства материализуются в виде тех или иных технологий, новая интерпретация культуры происходит по мере социального усвоения последних» (5, 78). Таким образом, новые технологии дают новую социальную культуру. Здесь фактически признается, что в конечном счете они оказываются всесильными. Технологии представляют собой единство физической и умственной субстанции в виде отражения действительности в психике человека.

Если брать шире, то становится ясно, что восточному человеку очень сложно противопоставить что-либо серьезное мощной и всесильной западной технологии. Именно поэтому Восток отстал от Запада в разработке и внедрении технологий.

Но в отличие от многих представителей Запада, Маклюэн хорошо понимал Восток, его моральную сущность и мировоззрение. Хотя он и писал, что «духовные и культурные резервации, которые восточные народы могут пытаться противопоставить нашей технологии, вообще ничего им не дадут. Воздействие технологии происходит не на уровне мнений или понятий; оно меняет чувственные пропорции, или образцы восприятия, последовательно и без сопротивления» (6, 22), тем не менее в своих книгах он не раз высоко отзывался о восточном мировоззрении и философии, призванной сохранять гармонию между человеком и природой. Запад разрушил эту гармонию при помощи своих механических, индустриальных и автоматических технологий и сделал это, похоже, окончательно и бесповоротно.

Идеи Маклюэна станут более понятными, если мы сможем разобраться в том, что технологии есть расширения человека вовне. «Сквозной темой этой книги является то, что все технологии суть расширения наших физических и нервных систем, нацеленные на увеличение энергии и повышение скорости» (6, 101). Отсюда медиа, которые являются технологией, есть не что иное, как продолжение самого человека. Это наблюдение следует признать очень важным.

Г. Маклюэн раскрыл только часть этой глобальной технологии. Но он открыл дверь в эту область, в эту науку, а именно: разъяснил взаимодействие человека и медиа в форме технологии. Для Маклюэна главная технология применительно к медиа — это чувства, и в этом весь ключ к пониманию маклюэновской теории медиа.

Обратимся к тому моменту, когда Маклюэн прямо говорит о том, что сообщение СМИ есть технология. Практически каждое новое средство коммуникации ничего принципиально нового не несет, но оно кардинально меняет уже существующие формы коммуникации, потому что здесь внедряется новая технология поставки информации: «...“Сообщением” любого средства коммуникации, или технологии, является то изменение масштаба, скорости или формы, которое привносится им в человеческие дела. Железная дорога не привнесла в человеческое общество ни движения, ни транспорта, ни колеса, ни дороги, но она ускорила прежние человеческие функции и укрупнила

их масштабы, создав совершенно новые типы городов и новые виды труда и досуга» (6, 10). Как мы видим, слова «средство коммуникации» и «технология» здесь использованы им как синонимы.

Изобретение каждого очередного медиа он приравнивает к новому технологическому событию в жизни людей. Ученый пишет: «Краткое резюме технологических событий, имеющих отношение к фонографу, можно было бы представить следующим образом.

Телеграф перевел письмо в звук, и этот факт непосредственно связан с рождением телефона и фонографа. С появлением телеграфа единственными оставшимися стенами являются языковые стены, которые легко сметаются фотографией, кино и фототелеграфией. Электрификация письма были почти таким же великим шагом в невизуальное слуховое пространство, как и последующие шаги, предпринятые скорее после этого телефоном, радио и телевидением.

Телефон: речь без стен.

Фонограф: музыкальный холл без стен.

Фотография: музей без стен.

Электрический свет: пространство без стен.

Кино, радио и телевидение: классная комната без стен.

Собиратель пищи снова возрождается, но теперь уже как собиратель информации. И в этой роли электронный человек является кочевником не меньше, чем его палеолитические предки» (6, 322). Таким образом, создаются все новые и новые технологии, тогда как природа человека остается практически все такой же, что и тысячелетия назад. То есть и сегодня он, как и тогда, собирает на этот раз информацию и при помощи соответствующих методов.

Постепенно развитие общества ведет к ускорению технологий, а это вновь способствует ускорению жизни. По мере того как возрастает скорость жизни, технологии ориентируются все больше на потребителя. Это вынуждает различные социальные институты как носителей технологий все больше отказываться от своей самобытности в пользу человека как потребителя информации. Маклюэн пишет о данных последствиях следующее: «Поскольку со времен Гутенберга почти все наши технологии и развлечения были не холодными, а горячими, не глубокими, а фрагментарными, ориентированными не на производителя, а на потребителя, вряд ли найдется хотя бы одна область установленных взаимоотношений — от дома и церкви до школы и рынка, — которая не была бы основательно выведена из равновесия в плане своей формы и своей текстуры» (6, 357). Дома, церкви, школы и рынки выведены из равновесия потому, что через технологии стали унифицированными, ориентированными не на свою специфику, а на человека как потребителя их услуг.

Еще в первой половине 60-х гг. XX в. Маклюэн обратил внимание на то, как велась в это время широкой развернувшаяся холодная война между двумя системами: «Если в 1964 году холодная война ведется с помощью информационной технологии, то это потому, что войны всегда велись с помощью самой передовой технологии, которой располагала соответствующая культура» (6, 390). Скрытая ирония автора, направленная в адрес всего человеческого сообщества, заключалась в его словах о том, что именно войны, а не промышленные или сельскохозяйственные производства, всегда велись с помощью самой современной технологии.

4. Авторское понимание технологии. Что такое технология? Какие они бывают? Что такое медиавоздействие как технология? Какие

существуют технологические аспекты, стороны, особенности влияния медиа на людей? На что они воздействуют? Наши ответы на эти вопросы помогут прояснить ситуацию с пониманием того, что есть технологии.

Как мы показали выше, технологии играют исключительно важную роль в жизни людей. Настроенность технологий на человека вполне естественна. Сколько он существует, столько он технологически воспринимает действительность, воздействует на себя и на окружающий мир. Разумеется, он делает это для того, чтобы улучшать условия своей жизни, но суть дела в том, что технологии применялись и они воздействовали. Технологии — это решающий, если не единственный, путь развития и становления человека. Для того чтобы он развивался, он не может быть бревном или статуей, а должен чувствовать окружающий мир, понимать и воспринимать его, принимать положительное, отказываться от отрицательного и т.д.

Технология не может не быть двусторонним, взаимосвязанным процессом. Ее существование возможно только в таком единстве. Технология есть взаимодействие, это очень важное, ключевое положение данного феномена. Взаимоотношения между людьми, как правило, есть технологии, потому что они означают попытки и физического, и умственного сотрудничества между людьми. Воздействие и восприятие вместе создавали взаимодействие, т. е. есть технологию, поэтому технология — это не только влияние, но и одновременно с этим и восприятие.

Таким образом, только в единстве воздействия и восприятия и возможно понятие технологии. Технология — это общий процесс, совместная работа. Ее нельзя без ущерба для содержания разделить на две части. Как мы показали выше, технология — это субстанция и лаборатория, в которой первосилой являются чувства. Весь окружающий человека мир есть технология воздействия на него через его органы чувств и разума.

Нельзя забывать высшее условие, главную причину и основной закон — медиа изобретались именно как технологические схемы, как соответствующие методы воздействия на личность. Они создавались исходя из условий и особенностей его природы и конституции, т.е. под человека и для человека. Все эти физические волны и методы воздействия с их помощью исходили единственно из природы индивида и его потенциального умения воспринимать и использовать информацию.

В жизни человеческого сообщества большую роль играет уважение к технологиям, которое ведет к новым достижениям и прорывам. Пренебрежение технологиями, преувеличение роли и места человеческого фактора ведет к коренному отставанию во всех областях, включая гуманитарные. Но и увлечение технологиями, как это показывает пятисотлетний лидерский опыт Запада, чревато чрезмерной рациональностью, технологизацией человеческой души.

Каково соотношение понятий канал — сообщение — аудитория? Здесь канал представляет собой чистую технологию. И, что очень важно, сообщение подстраивается под специфику канала, тем самым также становясь в решающей мере технологией. Данное подстраивание и есть технология.

Таким образом, главным является не технология воздействия (она, условно говоря, вторична), а технология восприятия, т.е. сам организм индивида, особенности его психики и физиологии. Человек

— вот основная база технологии, фундамент всякого действия и взаимодействия. На это восприятие и ориентируются обычно создатели технологий. В то же время медиа следует называть социальной технологией, поскольку это общественная, социальная технология.

5. Понятие и сущность коммуникации, по Маклюэну. Коммуникации далеко не такая простая вещь, как это часто себе представляют. Ее видов, форм и степеней сложности большое множество. Вот какое определение коммуникации дает Маклюэн: «Термин “коммуникация” в широком смысле употребляли в связи с дорогами и мостами, морскими маршрутами, реками и каналами еще до того, как он стал в электрическую эпоху означать “движение информации”. Нет, наверное, лучшего способа определить характер электрической эпохи, нежели изучить сначала, как сформировалось представление о транспортировке как коммуникации, а затем — как транспортировка грузов уступила место в этом представлении перемещению информации с помощью электричества. Слово “метафора” образовано от греческих слов *мета* и *фереин*, что значит “переносить через”, или “перемещать”. В этой книге нас интересуют все формы транспортировки грузов и информации — и в смысле метафоры, и в смысле обмена. Каждая форма транспорта не только переносит, но также переводит и трансформирует отправителя, получателя и сообщение. Использование любого средства коммуникации, или расширения человека, меняет не только пропорции между нашими органами чувств, но и формы взаимозависимости между людьми.

Сквозной темой этой книги является то, что все технологии суть расширения наших физических и нервных систем, нацеленные на увеличение энергии и повышение скорости» (6, 101). Транспортировка земли в аграрную эпоху, механизмов в индустриальную и информации в электронную — примечательная черта данных эпох.

Вот еще один очень важный, ключевой момент для понимания Маклюэна. С этим тоже надо разобраться. Коммуникация никогда не бывает одна — всегда, везде и во всем присутствует, так сказать, двойная или (при наличии комментария) тройная коммуникация. Одинарная коммуникация невозможна физически. Одно средство коммуникации есть источник взаимосвязи, другой метод есть форма передачи содержания. Это две совершенно разные вещи. Возьмем трансляцию памятника. Сам памятник, во-первых, является определенным содержанием. Во-вторых, его трансляция как передача с помощью световых волн на телевидении есть второе содержание. И далее (это уже третий вид информации) комментаторский текст воздействует на наши чувства. Таким образом, источник — первое звено, канал — второе, комментарий — третье звено коммуникационного процесса. Вот и получается три сообщения в одном. При этом, если сменится канал передачи, допустим, телевидение на печать или радио, то другим будет и впечатление от сообщения.

Обратная техническая связь — непереносимое условие развития информационного общества. Г. Маклюэн писал: «Каждый, кто начинает исследовать образцы автоматизации, сразу обнаруживает, что совершенствование отдельной машины путем превращения ее в автоматическую предполагает “обратную связь”. Это означает введение информационной петли, или цепи, туда, где прежде

был односторонний поток, или механическая последовательность. Обратная связь — это конец линейности, вошедшей в западный мир с алфавитом и непрерывными формами евклидова пространства. Обратная связь, или диалог между механизмом и его средой, вызывает далее вплетение отдельных машин в целую галактику таких машин в масштабах предприятия. Затем следует дальнейшее вплетение отдельных заводов и фабрик в целостную индустриальную матрицу материалов и услуг культуры. Естественно, эта последняя стадия сталкивается с целостным миром политики, поскольку оперирование всем индустриальным комплексом как органической системой влияет на занятость, безопасность, образование и политику, требуя заблаговременного полного понимания грядущего структурного изменения. В таких электрических и мгновенных организациях нет места бездумным допущениям и подпороговым факторам» (6, 408). Как мы видим, ни одна технология не могла существовать без обратной связи, но не все исследователи эту обратную связь могли увидеть и выделить.

Коммуникация — это, вместе с тем, есть расширение, движение в пространстве и времени. Вот один из нестандартных видов расширения, приводимый автором: «В сущности, даже обнесенный стеною город, как пишет в книге *“Город в истории”* Льюис Мэмфорд, является таким же расширением нашего кожного покрова, как дом и одежда» (6, 56–57). Все перечисленное ниже, по Маклюэну, есть средства коммуникации: «Город, как и корабль, есть коллективное расширение замка наших кожных оболочек, также как одежда есть расширение нашей индивидуальной кожи. Оружие же, в собственном смысле слова, является расширением рук, ногтей и зубов и возникает в качестве орудий, необходимых для ускорения обработки материи» (6, 395).

Очень важно понимание и того, что одна из основных функций коммуникации — сохранить и ускорить информацию. Речь идет как о прошлых, так и о современных медиа. «Здесь мы еще раз сталкиваемся с основной функцией средств коммуникации, состоящей в сохранении и ускорении информации» (6, 179).

6. Человек как коммуникационный феномен. Человек — физическое изобретение природы, со временем ставшее социальным существом. Любая личность есть исключительно и только коммуникационное существо. Она стала возможна и как индивид, и как коллективная личность, именно как коммуникационное создание. Коммуникации, в свою очередь, есть технологии взаимодействия. А технологии есть расширение человека. Вот здесь и сошлись концы с концами. Поэтому средства коммуникации есть внешние расширения человека. Это знаменитое и не вполне улавливаемое с первого раза определение Маклюэна. «Следует бросить взгляд на некоторые общие аспекты средств коммуникации, или расширения человека...» (6, 8). Надо объяснить, почему Маклюэн считал коммуникации внешними расширениями человека.

Человек — открытая биосоциальная система. Таков еще один пример того, что человек есть пленник расширения своих чувств, каковыми являются медиа: «...наши человеческие чувства, расширениями которых являются все без исключения средства коммуникации» (6, 26).

У человека пять чувств. Следовательно, пятиглавый дракон сидит в каждом из нас, поскольку люди стараются приспособить все к

своим чувствам: «Здесь, стало быть, мы имеем всего лишь один из известных, хотя и неосознаваемых случаев, иллюстрирующих способность одного средства коммуникации переводить себя в другое средство. Поскольку все средства коммуникации являются расширениями наших тел и чувств, а мы в своем собственном опыте привычным образом переводим одно чувство в другое, нас не должно удивлять, что наши вынесенные наружу чувства, или технологии, должны повторять процесс перевода и преобразования одной формы в другую» (6, 132–133).

Трудно уловить сразу еще одно из фундаментальных качеств технологии, выделяемых ученым. Между тем это имеет решающее значение для понимания средств коммуникации: «Сообщения в прессе, на которые все люди в первую очередь обращают внимание, — это сообщения о том, о чем они уже знают. Если нам довелось быть свидетелями какого-нибудь события, будь то бейсбольного матча, краха фондовой биржи или снежной бури, мы прежде всего обращаемся к сообщению об этом событии. Почему? Ответ на этот вопрос имеет решающее значение для понимания средств коммуникации. Почему ребенку нравится без умолку, пусть даже и сбивчиво, болтать о том, как он провел день? Почему мы предпочитаем романы и кинофильмы об известных событиях и персонажах? Потому что для разумных существ заново видеть или узнавать свой опыт в новой материальной форме — высшая радость в жизни. Опыт, переведенный в новое средство коммуникации, дарит чарующее возвращение прежнего переживания, в самом буквальном смысле. Пресса повторяет то возбуждение, которое мы получаем от работы своего ума, а посредством работы своего ума мы можем переводить внешний мир в ткань нашего собственного бытия. Этим возбуждением от перевода как раз и объясняется, почему люди совершенно естественным образом желают все время пользоваться своими чувствами. Те внешние расширения чувств и способностей, которые мы называем средствами коммуникации, мы используем так же постоянно, как глаза и уши, и притом исходя из тех же самых мотивов. С другой стороны, книжно-ориентированный человек считает такое безостановочное пользование средствами коммуникации испорченностью; в книжном мире оно ему незнакомо» (6, 239–240). То есть опять-таки, переживание заново известных нам чувств в новой форме и составляют глубинную суть технологий.

Словом, всю сущность идеи Маклюэна, изложенной в данной книге, можно выразить четырьмя словами: коммуникация — суть продолжение человека.

7. Технология как власть. Что, а точнее кто, воспринимает сообщения медиа? Какая именно совокупность нервных органов, нервных волокон? Какую информацию — зрительную, слуховую и логическую — какая совокупность нервных систем и каким образом воспринимает? Как они работают внутренне и как они сочетаются между собой? Как перерабатывают информацию (в т.ч. относительно друг друга), с какой эффективностью, продолжительностью, запоминаемостью?

Чувства человека имеют безусловную власть над ним. Организаторы коммуникации пользуются этим решающим образом. «Владельцы средств коммуникации всегда стараются дать публике то, чего она хочет, ибо они чувствуют, что их власть коренится в самом *средстве коммуникации*, а не в *сообщении* или программе» (6, 246).

Подобные разоблачения не нравились тем, кто владел медиа — властям, олигархам, журналистам. Ведь если принять данное положение Маклюэна, то получается, что владельцы медиа могут внушать аудитории все, что им заблагорассудится, а массы будут покорно воспринимать такую информацию.

Техника всегда играла определяющую роль в момент передачи и приема человеком информации. А как человек ее осмыслял, как он должен был ее понять — это другой вопрос, который, разумеется, также присутствует.

«...Люди иногда испытывают своего рода небольшой шок, когда им напоминают, что на самом деле как с операциональной, так и с практической точки зрения средство коммуникации есть сообщение. А это всего лишь означает, что личностные и социальные последствия любого средства коммуникации — то есть любого нашего расширения вовне — вытекают из нового масштаба, привносимого каждым таким расширением, или новой технологией, в наши дела» (6, 9). Власть заключается в технологии — это важная мысль. Поэтому существенен сам канал коммуникации, а не его содержание. Технология — это власть над человеком. Канал и есть технология. В этом кроется смысл формулы, определения «средство есть сообщение».

Почему Маклюэн столь безусловен? Потому что он зрел в корень, может проникнуть в самую суть вещей. О радио писали со времени его появления, т.е. до Маклюэна почти сорок лет, но другие не смогли так глубоко проникнуть в суть и эффективность воздействия на слушателя главных факторов радио — звука и голоса. Миллионы лет проточеловек отлично слышал, его слух был для него одним из решающих методов выживания, и это наследие прекрасно сохранилось в нем до сих пор. Вот на это опыт миллионов лет и действует радио, поэтому оно очень эффективно. Маклюэн смог это понять и показать. А разум? Это приобретение последних двухсот тысяч лет, т.е. практически совсем недавнее и еще недостаточно сформировавшееся.

Содержание всегда есть другая форма коммуникации. Вот это и есть отвлекающий маневр, когда информация вводится через подсознание. Может быть, момент превращения сообщения в технологию кроется здесь. Обратимся к Маклюэну: «Воздействие средства коммуникации оказывается сильным и интенсивным именно благодаря тому, что ему дается в качестве “содержания” какое-то другое средство коммуникации. Содержанием кино является роман, пьеса или опера. Воздействие кинематографической формы никак не связано с тем содержанием, которое ее наполняет. “Содержанием” письма или печати служит речь, однако ни печать, ни речь читатель почти совсем не осознает» (6, 22). Вот это очень важно, то, что кинематографическая форма никак не связана с содержанием.

Переданное содержание — это уже технология.

Упомянутое нами выше определение, что человек есть пленник коммуникаций, в кругу которых он находится, не раз высказывалось Маклюэном. Усвоение коммуникации делает его пленником и самих средств (телемания), и их сообщений (кухонный политик). «Подсознательное и покорное принятие воздействия средств коммуникации превращало их в тюрьмы без стен для тех людей, которые ими пользовались» (6, 25). Но поскольку коммуникации есть расширения человека, то это означает, что он пленник самого себя, т.е. своих чувств и разума.

Что значит понимать медиа как источник познавательной, развлекательной, воспитательной (см. функции медиа, журналистики) информации? Это означает сплошное погружение аудитории, потребителей в технический и смысловой аспекты сообщений медиа. Информация полностью овладевает умом аудитории. Ее сознание оказывается целиком под ее влиянием. Это и есть нейролингвистическое программирование.

Так понимают содержательное наполнение медиа теоретики психологии в области массовых коммуникаций. Так оно есть в реальности. Однако восприятие аудиторией медиаинформации далеко не столь однозначно. На самом деле это не чистое сознание, потому что это не только умственное восприятие. Здесь очень сложным образом переплетаются умственное и физическое (через нервы, ощущения) восприятия, и на первом месте стоит физическое ощущение, которое предваряет все виды воздействия. Потом, после его преломления в организме и психике, влияние переходит на умственный уровень. Таким образом, разум, который воспринимает сообщения медиа, состоит из двух частей, первая складывается как прямое и безусловное отражение чувств, вторая формируется под влиянием воспринятой чувственно-логической обработки сообщения.

Чувства первичны, всеильны, тотальны. Поэтому при получении сообщений медиа они овладевают человеком целиком и полностью. Разумеется, работает и логика — аргументы, факты, смысл события и т.д. Но события, лица и фото их участников запоминаются не только и не столько рационально, сколько чувственно.

Отсюда было бы целесообразно разделить восприятие сообщений медиа на два уровня. Первый — фундаментальный, физиологический фон, впитывающий в себя всю сознательную и бессознательную информацию, базовое восприятие, т.е. воздействие на чувства. Второй — социальный смысл, это уже каркас здания и его социальное наполнение, поучительная, воспитательная информация. В целом их соотношение похоже на соразмерность бессознательного и сознательного. Первое — базовые инстинкты, похожие на инстинкты выживания. Второе — рациональное, умственное восприятие информации. Первое — человек как порождение природы. Второе — человек разумный, индивид, который воспитал себя сам.

8. Массовая коммуникация как особый тип технологии.

Содержание массовых коммуникаций и средства их передачи представляют собой разные вещи. В принципе, медиа имеют многовековое историческое происхождение, они возникли задолго до того, как впоследствии приобрели форму в виде печати, радио и телевидения. Маклюэн говорит об этом следующим образом: «Платон, при всем своем стремлении вообразить идеальную школу, так и не заметил, что Афины были более великой школой по сравнению с любым университетом, какой только мог ему пригрезиться. Иначе говоря, величайшая школа была создана на пользу людям прежде, чем была придумана. Особенно это верно для наших средств коммуникации. Они производятся задолго до того, как придумываются. Фактически, их вынесение за пределы нас самих обычно исключают возможность их обдумывания вообще» (6, 59). Здесь разделены между собой собственно массовая информация и средства их доставки. Массовая информация была всегда, а современные средства их доставки появились после изобретения Гутенберга.

Следующий момент, который имеет важное значение и носит принципиальный характер — то, что СМИ не просто расширение чувств человека, а расширение в публичный мир, в массовость, то есть то, что расширение представляет собой массовую коммуникацию, «поскольку все средства коммуникации являются фрагментами нас самих, расширенными в публичный мир, воздействие, оказываемое на нас любым средством коммуникации, имеет тенденцию заставлять другие чувства вступать в игру в новом взаимоотношении» (6, 303). При этом нередко такое расширение бывает интенсивным.

Глубоко закономерно, что в исторической ретроспективе современные медиа, начиная с печати, появились в то время, когда физические потребности человека уже были удовлетворены, он успешно выжил как физиологическая (физическая) особь в борьбе с природой, когда он был уже сыт, обут и обеспечен жизненно необходимым. Физические потребности были удовлетворены, настала очередь моральных. Последними первоначально были родовое и племенное общение, религиозные проповеди, ораторские выступления, эпистолярная публицистика, а потом и письменные тексты. Затем появились технические средства доставки данного содержания, т.е. собственно медиа в их современном значении.

В основе нового, маклюэновского подхода лежит человеческий фактор, здесь исследователем эффективно применено человеческое измерение. В результате получается, что мы должны называть эти каналы не средства массовой информации, а каналы массовой информации. Расширения человека — взаимопереходный процесс, потому что канал воздействует как технология, человек воспринимает эту технологию как свое продолжение, т.е. как расширение. Активное воздействие медиа исходило и обуславливалось интенсивным восприятием человека как чувственно-рационального комбината. От чувств человека к источнику информации — именно в таком направлении движется коммуникационный процесс, по Маклюэну, и такой его подход также не воспринимался его окружением.

Еще один интересный момент из классификаций Маклюэна — это деление им СМИ на холодные и горячие. Такой систематизации до Маклюэна мы не встречали. Ученый пишет: «Есть основной принцип, отличающий такое горячее средство коммуникации, как радио, от такого холодного средства, как телефон, или такое горячее средство коммуникации, как кино, от такого холодного средства, как телевидение. Горячее средство — это такое средство, которое расширяет одно-единственное чувство до степени высокой определенности». Высокая определенность — это состояние наполненности данными. Фотография, с визуальной точки зрения, обладает «высокой определенностью». Комикс же — «низкой определенностью», просто потому что он дает очень мало визуальной информации. Телефон является холодным средством коммуникации, или средством с низкой определенностью, так как ухо получает скудное количество информации. Речь тоже является холодным средством с низкой определенностью, поскольку слушателям передается очень мало, и очень многое ему приходится додумывать самому. С другой стороны, горячие средства коммуникации оставляют аудитории не очень много простора для заполнения или довершения. Горячие средства характеризуются, стало быть, низкой степенью участия аудитории, а холодные — высокой степенью ее участия, или достраивания ею недостающего» (6, 27). Подобное деление и саму

квалификацию медиа как холодного и горячего средства трудно понять, но и опровергнуть ее нельзя.

Вот еще одна характеристика Маклюэном горячих и холодных медиа: «Холодное средство коммуникации, идет ли речь об устном слове, рукописи или телевидении, оставляет слушателю или пользователю гораздо больше работы, чем горячее. Если средство коммуникации имеет высокую определенность, то участие является низким. Если средство коммуникации обладает низкой определенностью, то участие становится высоким» (6, 365). При холодном медиа потребитель пассивен, т.к. для него доставляется все, что надо, и ему остается только воспринимать поступающую информацию. При горячем активен, т.к. требуется восполнение недостающего при помощи фантазии пользователя, например, при слушании радио.

9. Печать. Многие свои интересные рассуждения о медиа Маклюэн привел в тех частях своих книг, где он характеризовал печать. Его наблюдения здесь настолько неожиданны и глубоки, что иногда просто теряешься, пытаешься их понять.

Для Маклюэна важно было, например, понять, что печать несет с собой главный зачин информационной эпохи — стандарты однообразия. Деление текста на отдельные буквы для того, чтобы эти буквы можно было собрать на печатном поддоне, было большим шагом вперед по сравнению с ксилографической печатью. Как мы увидим дальше, Маклюэн делает из этого далеко идущие выводы.

Печать принесла идею и принципы объединения нации через газетные листы. С помощью книг и периодической печати стала возможна массовая грамотность. Он пишет: «В социальном плане книгопечатное расширение человека принесло с собой национализм, индустриализм, массовые рынки, всеобщую грамотность и всеобщее образование. Ибо печать подарила образ повторяемой точности, пробудившей совершенно новые формы расширения социальных энергий» (6, 195). Позже стало известно, что станок Гутенберга привел к многочисленным последствиям, которые коренным образом поменяли жизнь человеческого сообщества, приведя его сначала к развитому индустриальному, а затем и к информационному этапам.

Но случилось это не сразу. Сказались неготовность людей к новому изобретению, инерция их мышления, обращенность в прошлое. Как пишет ученый, «...первые два столетия печати со съёмных наборных форм были гораздо более мотивированы не потребностью в чтении и написании новых книг, а желанием увидеть книги античные и средневековые. До 1700 года больше половины всех печатавшихся книг были либо древними, либо средневековыми. Таким образом, первой читающей публике, внимавшей печатному слову, была дарована не только античность, но и средние века» (6, 193). Направленность изобретения печати на сегодня и на завтра была понята специалистами и массовой аудиторией значительно позже.

Газета обладает той спецификой, что ее можно читать наедине, а это ведет к личному характеру восприятия прочитанного. Газеты — это и откровения души, и истории, как привлекательные, так и не очень. «И книга, и газета по своему характеру исповедальны. Они создают эффект *тайной истории* уже самой своей формой, независимо от содержания. Как книжная страница преподносит тайную историю духовных приключений автора, так и газетная страница разглашает внутреннюю историю сообщества, находящегося в действии и

взаимодействии. Видимо, именно поэтому пресса наилучшим образом выполняет свою функцию тогда, когда обнажает изнанку. Настоящие новости — это плохие новости: либо плохие новости о ком-то, либо плохие новости для кого-то. В 1962 году, когда Миннеаполис на несколько месяцев остался без газеты, начальник полиции сказал: «Конечно, я скучаю по новостям, но что касается моей работы, то я очень надеюсь, что газеты никогда здесь больше не появятся. Без газеты, разносящей идеи по округе, меньше преступлений» (6, 232). Внутренняя история сообщества — это широкий перечень тем и проблем, которые ежедневно поднимает и ставит в повестку дня различных обществ местная и международная печать.

Печать многое что вызвала к жизни. А в связи с толкованиями Маклюэна выясняется, что она создала еще и науку, в т.ч. и высшую математику. А все в силу делимости и повторяемости. «Печать привила нам ту тягу к точному измерению и повторяемости, которую мы ныне ассоциируем с наукой и математикой» (6, 363). Деление слов на свои мельчайшие единицы, буквы, с их повторным перенабором в новой форме стало тем коренным методом, который, как выяснилось с помощью Маклюэна, создал много новых миров. Поэтому он и уподобил изобретение Гутенберга Галактике.

Обратимся к разъединению и соединению как к двум основным принципам действия печати. Маклюэн часто говорит о том, что здесь слова разъединяются на буквы, т.е. что это разборная технология. Он уподобляет кино печати, т.к. в кино кадры сменяются поочередно, точно так же, как буквы в печати. «Сплавления воедино механическое с органическим в мире волнообразно колеблющихся форм, кино сближается с технологией печати. Задача читателя, образно говоря, в том, чтобы следить за черно-белыми последовательностями кадров, составляющими суть книгопечатания, снабжая их собственной звуковой дорожкой» (6, 323). Так что общий механизм действия у кино и книги оказывается одинаковым. По Маклюэну, подобный принцип создания кино стал возможен в результате изобретения печати. Отсюда можно предположить, что Маклюэну оставалось немного для формулировки основного принципа создания компьютера — формулировке минимальных цифр 0 и 1, просто он до этой эпохи не дожил.

Выше мы говорили о том, что часто Маклюэна не воспринимали из-за его нелюбимых отзывов об окружающем его научном сообществе. Вот еще один из таких примеров: «Любой ученый, исследуя социальную историю печатной книги, скорее всего, будет озадачен отсутствием понимания психических и социальных последствий печати. За последние пять столетий внятное объяснение или осознание воздействий печати на человеческую чувственность встречается крайне редко. Но то же самое можно сказать обо всех расширениях человека, неважно, одежда это или компьютер» (6, 195). Как мы видим, здесь негативно оценивается наука о печати за пятьсот лет.

В завершение отметим, что, по нашему мнению, печать стала решающей причиной перехода от мануфактурного производства к паровой и электрической индустрии, а затем и к информационной эпохе. Ко всему этому вела в первую очередь всеобщая грамотность населения, которая стала следствием Галактики Гутенберга. Заметно повлияло также на мышление последующих поколений разделение и сменяемость букв.

10. Радио. Маклюэн смог показать, что радио — это не только и не столько средство, сколько технология воздействия с помощью звука и голоса, и делал это благодаря тому, что глубоко раскрыл сам механизм подобного влияния.

С точки зрения чувств печать не столь значима по сравнению с радио, потому что у радио архетипам тысяч, если не миллионов, лет. В печати больше разума, чем в радио. В результате ученый добился хорошего проникновения в технологию радио. Оно пробуждает тысячелетние архетипы, свойственные ему как устному средству массовой коммуникации. Одним из самых примечательных определений радио является следующее: «Подпороговые же глубины радио заряжены резонирующими отзвуками племенных горнов и древних барабанов. Это заложено в самой природе данного средства, обладающего способностью превращать душу и общество в единую эхокамеру» (6, 341–342). Несмотря на то что племенные горны и древние барабаны были уделом человека множество веков назад, эти звуки сохранили свое эхо в ушах и психологии современников, слушающих радио.

Мгновенное распространение радиосигналов привело к тому, что было потеряно понятие пространства. Радио ужало планету до размеров небольшого поселения, мир стал глобальной деревней. Ученый писал: «Радио обеспечивает ускорение информации, вызывающее, в свою очередь, ускорение в других средствах. Оно определенно сжимает мир до размеров деревни и создает ненасытную деревенскую тягу к сплетням, слухам и личной злобе. Но в то же время как радио сжимает мир до деревенских параметров, оно не вызывает гомогенизации деревенских кварталов. Совсем наоборот. В Индии, где радио является высшей формой коммуникации, есть более дюжины официальных языков и такое же число официальных радиосетей. Эффект радио как воскресителя архаизма и древних воспоминаний не ограничивается гитлеровской Германией. С тех пор как появилось радио, возрождение своих древних языков пережили Ирландия, Шотландия и Уэльс, и еще более крайний случай языкового возрождения представляют израильтяне. Теперь они говорят на языке, который на протяжении столетий был мертвым, присутствуя только в книгах» (6, 349). Особенности и диалекты языка, нивелированные при печати, с изобретением радио вновь ожили, в результате чего приобрели силу представители малочисленных или даже мертвых языков.

То, что медиа являются больше чувствами, чем логикой, подтверждается и утверждением того, что коммуникационные технологии носят в основном подсознательный характер. Так, внесознательными являются все технологии, т.е. коммуникации. Это соответствует идее Маклюэна о том, что СМИ являются больше чувствами, чем логикой. Ученый не зря писал, что «все наши технологические расширения должны быть окаменевшими и подпороговыми, в противном случае нам не устоять под тем давлением, которое оказывает на нас такое расширение. Радио даже еще больше, чем телефон или телеграф, является расширением центральной нервной системы, соперничать с которым может только сама человеческая речь. Не стоит ли нам тогда поразмыслить над тем, что радио должно быть особенно созвучно этому простейшему расширению нашей центральной нервной системы, этому аборигенному средству массовой коммуникации, коим является

родной язык?» (6, 344–345). Расширяя центральную нервную систему человека, радио, в силу своей специфики точно передавать голос и звук, возвращает нас в лоно родного языка, что, по Маклюэну, означает новое возрождение нации и национализма.

Маклюэн называет радио и телевидение **массивными** расширениями, это существеннейшее дополнение к его же пониманию медиа.

«...Эти массивные расширения нашей центральной нервной системы окутали западного человека ежедневным сеансом синестезии. Западный образ жизни, ставший итогом многовекового жесткого разделения и специализации чувств, над коими иерархически возвышалось визуальное чувство, не способен отменить радиоволны и телевизионные волны, размывающие великую визуальную структуру абстрактного Индивидуального Человека» (6, 361). Синестезия означает совмещенные переживания от разных медиа в момент восприятия одного медиа, например, радиоощущения при просмотре телевидения. Как мы видим, по Маклюэну, это вполне возможно. Происходит так потому, что радио и телевидение из-за высокой степени влияния на индивида способны размывать накопленную веками визуальную структуру живущего разумом западного человека. На восточного человека они оказывают меньшее влияние, потому что в нем преобладает чувственный образ жизни.

11. Телевидение. Всякий раз, давая оценку какому-либо медиа, Маклюэн показывает, что включение каждого из них в орбиту внимания аудитории меняет в целом пропорции этих медиа в сознании индивида. Если телефон расширяет ухо и голос, то телевидение делает то же самое, дополнительно включая в свою орбиту еще и чувство осязания, в результате чего преобразуется весь комплекс сенсорных ощущений человека. Ученый писал: «С телефоном появляется расширение уха и голоса, то есть своего рода экстрасенсорное восприятие. С телевидением же пришло расширение чувства осязания, или чувственного взаимодействия, которое осуществляет еще более глубокое вовлечение всего сенсорного аппарата» (6, 302). Столь сильное воздействие телевидения на зрителя обусловлено именно включенностью последнего в экранную жизнь героя, проникновением в нее, т.е. тем, что Маклюэн сформулировал как «средство есть сообщение».

Происходит так потому, что с появлением новых медиа положение прежних меняется, потому что всякое новое средство является более совершенным и старается оттеснить предыдущие СМИ. Поэтому прежние медиа начинают искать для себя как бы другую нишу, стараясь по-новому использовать свои возможности, чтобы выжить в конкурентной борьбе.

Ученый разъясняет это на примере взаимоотношений между радио и телевидением следующим образом: «Когда телевидение приняло на себя бремя центральной сети, почерпнутое из нашей централизованной промышленной организации, радио обрело свободу диверсифицироваться и приступить к региональному и местному обслуживанию, которого оно еще никогда не знало, даже в первые дни “радиолюбителей-коротковолновиков”. С появлением телевидения радио обратилось к индивидуальным потребностям людей в разное время суток, и этот факт сопровождается проникновением многочисленных радиоприемников в спальни, ванны комнаты, кухни, автомобили, а теперь и в карманы. Людям, занятым разными видами

деятельности, предлагаются разные программы. Радио, бывшее некогда формой группового прослушивания, опустошившей церкви, с появлением телевидения вновь вернулось в частное и индивидуальное пользование» (6, 350). Религиозные проповеди, передаваемые по радио, способствовали тому, что люди стали массово слушать такие беседы, не выходя из дома. Однако телевидение пошло еще дальше и доставило самого священника в каждый дом. Поэтому радио уже вскоре пришлось стать передатчиком, которую потребитель мог разместить в автомобиле или носить в кармане.

В конкуренции с телевидением печать явно проигрывает, потому что телевидение дает легко воспринимаемые и привлекательные зрительные образы. Это хорошо видно на примере нейтральной категории населения — детей, на которых телевизионная технология влияет самым непосредственным образом: «Наши дети стремятся перенести на печатную страницу всевовлекающие сенсорные полномочия телевизионного образа. Они выполняют команды телевизионного образа со всем совершенством психоподражательного мастерства. Они пристально разглядывают, они зондируют, они замедляют скорость и глубоко увлекаются. Это то, чему научила их холодная иконография такого средства коммуникации, как книжка комиксов. Телевидение продвинуло этот процесс гораздо дальше. И тут они вдруг переносятся в горячее печатное средство с его единообразными образцами и быстрым линейным движением. Они бессмысленно пытаются читать печать в глубину. Они вкладывают в печать все свои чувства, а печать отвергает их. Печать требует обособленной и оголенной зрительной способности, но никак не единого чувственного аппарата» (6, 352). На примере детей хорошо показано разлагающее влияние телевидения на книжную грамотность. Происходит так потому, что телевидение учит детей проникновению в его экран, в изображаемые образы, то, чего никак не может дать печать. Поэтому дети стараются больше вчувствоваться в образы телеэкрана по сравнению с чтением книг. Такой образ жизни отодвигает незаменимую книжную грамотность на второй план, что и случилось со всеми телевизионными поколениями.

Телевидение повторяет способность радио вернуть диалекты в процесс повседневного общения людей. «Одним из самых необычных процессов со времени появления телевидения в Англии стало быстрое возрождение региональных диалектов» (6, 354). Печать так не делает, она не восстанавливает фонетические особенности диалектов.

Каждое медиа, считает Маклюэн, обладает своими специфическими технологиями механического воздействия на аудиторию, в результате чего оно достигает максимального эффекта. По мнению автора, с возникновением видеомедиа зритель сам становится экраном. Это замечательная мысль, подобная той, какую мы привели раньше — что человек сам становится для себя новостью. Он пишет: «С появлением телевидения сам зритель становится экраном. Он подвергается бомбардировке световыми импульсами, которую Джеймс Джойс назвал “Атакой Световой Бригады”, и эта бомбардировка нацеливается “оболочку его души душещипательно-подсознательными осторожными намеками”» (6, 357–358). Хотя Маклюэн говорит так о телевидении, на самом деле он понимает так все средства массовой коммуникации: печать атакует читателя буквами, радио — звуковыми эффектами, телевидение — световыми

выстрелами и т.д. Данную им характеристику нельзя назвать иначе, как весьма проницательной.

Известно, что телеобраз в самом деле сканируется, т.к. луч бежит по строчкам экрана с огромной скоростью (300 000 км в сек.), и благодаря ей получается целостный образ. Здесь присутствует строчная и кадровая развертка. Сознание это не воспринимает, но подсознание может уловить. Это и есть проникновение Маклюэном в суть дела. Он пишет: «Телевизионный образ, с точки зрения заложенных в нем данных, имеет низкую визуальную определенность. Телевизионный образ не *стоп*-кадр. И это ни в каком смысле не фотография; это непрерывно формирующийся контур вещей, рисуемый сканирующим лучом. Складывающийся в результате пластичный контур образуется *просвечиванием*, а не освещением и сформированный таким способом образ имеет качества скульптуры и иконы, но никак не картины. Телевизионный образ предлагает получателю около трех миллионов точек в секунду. Из них он принимает каждое мгновение лишь несколько десятков, из которых образ и складывается» (6, 358). Так ученый добирается до первоосновы, до самых технических корней телетрансляции. Так выглядит главная технология телевизионного воздействия на аудиторию. Современные телевизоры имеют более тысячи строк в одном кадре и 24 кадра в секунду. С такой необыкновенной скоростью и бежит луч по экрану.

Телевидение представляет собой универсальную технологию. Его влияние трудно измерить в силу многоаспектности и множественности параметров взаимных контактов с аудиторией. «Воздействие телевидения как самого последнего и показательного электрического расширения нашей центральной нервной системы трудно постичь по самым разным причинам. Поскольку оно повлияло на всю целостность нашей жизни — личной, социальной и политической, — было бы нереалистично пытаться дать “систематическую” или визуальную презентацию такого влияния. Практичнее “представить” телевидение как сложный *геиштальт* данных, собранных почти случайным образом» (6, 362–363). Как признается автор, сложность телевидения как медиа не дает возможности охарактеризовать его в полной мере. Оно было последним медиа для Маклюэна потому, что интернет он не застал.

Театр является одним из предшественников телевидения. Но телевидение, сохраняя театральную визуальность в необходимой степени, тем не менее серьезным образом поменяло ее, построив под свою канальную специфику. Он пишет: «Любой телевизионный продюсер скажет, что речь, передаваемая по телевидению, не должна обладать той щепетильной четкостью, которая нужна в театре. Телеактер не должен выпячивать ни свой голос, ни самого себя. Аналогичным образом, актерская игра на телевидении — в силу особого вовлечения зрителя в довершение или заполнение телевизионного образа — крайне интимна настолько, что актер должен достигать высокой степени спонтанности, которая в кино была бы неуместна, а на театральной сцене напрасна. Ведь аудитория участвует во внутренней жизни телевизионного актера так же полно, как во внешней жизни кинозвезды» (6, 363). Театр требует детальной проработанности слов, передвижений на сцене, высокой эстетики. Телевидению нужны визуальная обширность и интенсивность, т.е. многоаспектное воздействие.

При всей своей массовости телевидение добивается индивидуального вовлечения зрителя и его личного участия в визуально-новостном процессе.

«Эта же отличительная особенность процесса самодеятельности и глубинного вовлечения в телевизионный образ находит продолжение в искусстве телевизионного актера. В условиях телевидения он должен уметь импровизировать и украшать каждую фразу и каждый вербальный резонанс деталями жеста и позы, поддерживающими ту интимность в отношениях со зрителем, которая на массивном киноэкране или на сцене не представляется возможной» (6, 366). Телеэкранный — это индивидуальный передающе-приемный источник информации, потому что семья, в окружении которой зритель принимает телеинформацию, в данном случае не учитывается, т.к. телевидение инстинктивно понимается зрителем как единое целое с ним.

Заслуживает внимания и следующий акцент Маклюэна на понимании телеинформации, который не встречался до того у других исследователей данного медиа. Как пишет автор, при просмотре телевизора зрители обращают внимание больше на реакцию героев, а не на действия, происходящие на экране. Он говорит о том, что необходимо проследить «поведение наших детей при просмотре телевизионных вестернов. Когда на них надевают новые экспериментальные шлемы, отслеживающие движения глаз при разглядывании образа, выясняется, что дети удерживают свой взгляд на лицах телеактеров. Даже во время сцен физического насилия их глаза остаются прикованы к *реакциям* лица, а не к разрушительному *действию*. Ружья, ножи, кулаки — все это игнорируется; предпочтение отдается выражению лица. Телевидение — это средство коммуникации, построенное не столько на действии, сколько на реакции» (6, 366). В тех случаях, когда это было возможно, ученый опирался и на результаты экспериментов, делая тем самым свое изложение более убедительным.

Телевидение для Маклюэна не обычная, а всеобщая технология, всесторонне влияющая на потребителя. Он пишет об этом: «Телевидение — это баухаузская программа дизайнера и жизни, или педагогическая стратегия Монтессори, получившая тотальное технологическое расширение и коммерческую поддержку» (6, 369). Характеристика телевидения как жизни и экранного дизайнера одновременно — очень простая и в то же время весьма верная и емкая, в то же время у других его современников такая квалификация не встречалась.

Многие качества современной молодежи — нежелание овладевать фундаментальной книжной культурой, поверхностное отношение к жизни и окружающим, сейчасность, неумение глубоко сосредоточиться над чем-либо и т.д. — сформировались под влиянием телевидения. В нижеследующей выдержке есть глубокое проникновение в психологию человека, попавшего под решающее влияние телевидения: «Молодые люди, пережившие первое телевизионное десятилетие, естественным образом впитали в себя неудержимую страсть к глубокому вовлечению, заставляющему все отдаленные визуализируемые цели обычной культуры казаться не только нереальными, но и не нерелевантными, и не просто нерелевантными, а безжизненными. Именно тотальное вовлечение во всепоглощающую *сейчасность* появляется в жизни молодежи

благодаря мозаичному образу телевидения. Это изменение установки никак не связано с содержанием программ и было бы точно таким же, даже если бы программы были целиком наполнены высшими достижениями культуры. Изменение в установке, происходящее вследствие связывания человека с мозаичным телевизионным образом, произошло бы в любом случае. Наша задача, разумеется, не только в том, чтобы понять это изменение, но и в том, чтобы воспользоваться им ввиду его педагогической значимости. Дитя телевидения ждет вовлечения и не желает специалистского рабочего места в будущем. Он жаждет *роли* и глубокой привязанности к своему обществу. Не укрошенная и не понятая, эта очень человеческая потребность может проявиться в искаженных формах, изображенных в *“Вестсайдской истории”*.

Телевизионный ребенок не умеет заглядывать вперед, поскольку хочет вовлечения, и не способен принять фрагментарную и просто визуализируемую цель или судьбу ни в обучении, ни в жизни» (6, 385–386). Говоря другими словами, телевидение бесконечно балует мозг человека. Зритель получает настолько полную и исчерпывающую информацию, что у него резко снижается мотивация самому учиться жизни, преодолевать ее естественные сложности, пропадает желание активно действовать и работать.

Как пишет Маклюэн, телевидение есть не чисто зрительное, а тактильно-слуховое средство коммуникации: «На телевидении, похоже, даже преподавателей студенческие аудитории наделяют харизматическим или мистическим качеством, намного превосходящим те чувства, которые развиваются в классе или лекционном зале. В ходе многочисленных исследований реакций аудитории на телевизионное преподавание из раза в раз повторяется этот озадачивающий факт. Зрители чувствуют, что преподаватель обладает едва ли не сакральностью. Это чувство коренится не в понятиях или идеях; оно словно прокрадывается откуда-то, незваное и необъяснимое. Оно сбивает с толку и самих студентов, и аналитиков их реакций. Разумеется, не может быть более красноречивого опыта, предупреждающего нас о характере телевидения. Это не столько визуальное, сколько тактильно-слуховое средство коммуникации, втягивающее в глубокое взаимодействие все наши чувства. Что касается людей, давно привыкших к простым книгопечатным и фотографическим разновидностям визуального опыта, то, видимо, именно *синестезия*, или осязательная глубина телевизионного опыта, выбивает их из обычных для них установок пассивности и безучастности» (6, 386–387). Современники Маклюэна, включая известных специалистов по телевидению, были достаточно далеки от подобных рассуждений, свойственных ученому, например, что для телевидения характерно больше тактильно-слуховое восприятие, нежели визуальное.

По мнению Маклюэна, телевидение не может плодотворно служить, подобно печати, накопителем повседневного человеческого опыта. Он пишет: «Банальное и ритуальное замечание типично письменного человека, что телевидение предлагает опыт, предназначенный для пассивных зрителей, бьет мимо цели. Телевидение является, прежде всего, средством коммуникации, требующим творческой и участной реакции» (6, 387). ТВ есть непосредственное медиа, оно добивается сиюминутного участия в передаче, полную включенность в нее зрителя.

Телевидение оказалось настолько всемогущим средством массовой информации, что Маклюэн завершает свои рассуждения о нем неутешительными выводами для других медиа. «На фоне телевидения пресса, кино и даже радио — не более чем упаковочные средства для потребителей» (6, 388), — говорит он.

12. Интернет. Маклюэн не использовал слово интернет и не писал о нем потому, что виртуальной сети в то время еще не было. Но некоторые его мысли вполне соответствуют и этому новому медиа. Так, можно сказать, что Интернет является зеркальным отражением нервной системы человека, о котором упоминает Маклюэн. Глобальная сеть — это глобальная нервная система человека, точнее, это глобальная система кровообращения, которая питает все тело. Точно также интернет питает всю планету самым необходимым, без чего невозможны ни развитие, ни прогресс. Вот пример прекрасного сравнения, приведенного автором: «Главная особенность электрической эпохи состоит в том, что она создает глобальную сеть, во многом похожую по своему характеру на нашу центральную нервную систему. Наша центральная нервная система не просто представляет собой электрическую сеть, но и конституирует единое поле опыта. Как отмечают биологи, мозг — это место взаимодействия, где все виды впечатлений и переживаний могут взаимно обмениваться и переводиться друг в друга, позволяя нам *реагировать на мир как единое целое*. И, естественно, когда в игру вступает электрическая технология, самые разные и самые масштабные операции, протекающие в промышленности и обществе, быстро принимают единую позу. Тем не менее это органическое единство интерпроцесса, инспирируемое в самых разнообразных и специализированных областях и органах действия электромагнетизмом, есть полная противоположность организации в механизированном обществе. Механизация любого процесса достигается за счет фрагментации, начиная с той механизации письма при помощи съемных наборных литер, которую мы называли “моно-фракцией мануфактуры”» (6, 400). Маклюэн смог предсказать данную специфику нового СМИ потому, что он умел правильно мыслить о новых медиа в методологическом плане.

Заключение. Основная идея Маклюэна заключается в том, что он считал, что медиа воздействуют больше на чувства, чем на сознание или разум, как это говорили до и после него. Это был принципиально иной исследовательский, более того, мировоззренческий подход. Он как бы объяснял теоретикам медиа, что они не понимают, что происходит после того, как сообщения в виде сигналов медиа, доходят до людей. Специалисты считали, что аудитория *понимает* медиа, тогда как на самом деле она *чувствует* их. Но такой его подход был столь неожиданным, что его долго не принимали. Не следует думать, что Маклюэна окружали недалекие люди. Они не принимали его потому, что не понимали.

Хотя Маклюэн достаточно убедительно все обосновал, на его стороне были иные специалисты, далекие от медиа, но близкие и понимающие физиологию и психологию человека, а точнее, физиологию ощущения человеком информации и психологию восприятия им информации через подобную физиологию ощущения. А так как здесь соединились в первую и главную очередь многомиллионнолетняя физиология и сотне тысячелетняя психология, то это действовало на людей безотказно, в первую очередь физико-

психическим образом. Сознание при этом оставалось где-то на втором плане.

Как отмечал в широком смысле Маклюэн, средства массовой информации, накладываясь друг на друга, меняют не только аудиторию, но и самих себя. Он писал: «...Средства коммуникации как расширения наших чувств, взаимодействуя друг с другом, устанавливают новые пропорции, причем не только между нашими частными чувствами, но и между собой. Радио изменило форму новостей настолько же значительно, как и экранный образ звукового кино. Телевидение вызвало радикальные перемены в содержании радиопрограмм и в форме *вещного*, или документального, романа» (6, 63–64). Как мы упоминали выше, так происходило потому, что медиа были вынуждены выживать в конкуренции между собой.

Ученые делали акцент на том, *что* отображают каналы, тогда как Маклюэн исследовал *как* сообщают каналы. По нашему мнению, для Маклюэна 80% сообщений были чувственным восприятием (*как* сообщается) и только 20 % — разумными (*что* сообщается). Полагаем, что для других ученых было как раз наоборот: 80% — разум (*что* сообщается) и в лучшем случае на 20 % чувственное восприятие канальных особенностей медиа, т.е. *как* сообщается. Они не обращали столь серьезного внимания на специфику канала, как это сделал Маклюэн.

Маклюэн предчувствовал, что наступающий информационный век ведет не только к положительным, но и к отрицательным результатам. Одним из таких последствий станет отдаление масс от многовековой книжной письменности, давшей человечеству прекрасные образцы культуры. «Электронный человек, все глубже вовлекаясь в актуальности человеческого существования, не может принять письменную культурную стратегию» (6, 362). В этом заключалось серьезное противоречие, которое порождает в человеческой среде письменная и электронная культуры. В технотронную эру чувства индивида в немалой степени нивелируются, нейтрализуются, более того, механизуются.

Закономерен и такой факт, как превознесение профессии преподавателя. Это объясняется двумя причинами. Во-первых, информации очень много и нужны люди, которые могли бы помочь населению сориентироваться в ней, отличить нужное от ненужного, хорошее от плохого. Во-вторых, количество профессий в такое время резко возросло и они сильно дифференцировались. Наиболее профессионально помочь разобраться в этом поможет, опять-таки, учитель. Он пишет: «Электронная эпоха — в буквальном смысле эпоха освещения. Как свет есть одновременно энергия и информация, так и электрическая автоматизация объединяет в единый и неразрывный процесс производство, потребление и обучение. По этой причине учителя уже сейчас стали в американской экономике крупнейшей группой служащих и вполне могут, в конце концов, остаться *единственной* такой группой» (6, 403). Вновь со свойственным ему максимализмом Маклюэн предполагает, что учителя могут стать единственной профессией в обществе. Как ни странно, по нашему мнению, в данном плане человечество возвращается в древние века, когда учителя и ремесленники были представителями двух основных профессий.

Маклюэн шел поперек рационализаторской волны западной мысли, поэтому его здесь не восприняли. Россия лучше поняла,

приняла и интерпретировала его, как только он был переведен на русский язык (см. 1). Дело в том, что, по нашему мнению, россияне как народ более сентиментальны и чувственны, чем жители коммерциализированного Запада. И Восток, в отличие от Запада, как мы уже говорили, лучше поймет Маклюэна, когда прочитает его.

Исследователи до сих пор обращали внимание больше на благоприятные технические и организационные последствия тотального внедрения в человеческое сообщество СМК. И только с наступлением глобализации стали думать и о психологических последствиях такого развития. Запад, возможно, до сих пор не осознает до конца данных последствий, потому что живет по законам индивидуализма.

Современная высокоразвитая техника есть изобретение разума, а это соответствует значению «дважды разум». Такой разум заметно подавляет человеческие чувства.

Проникновение Маклюэна в суть вещей и понятий настолько глубоко, количество рассматриваемых им медиа столь многообразно, а мышление настолько широкое, что интерпретированный Маклюэном мир медиа иначе как галактикой назвать нельзя.

P.S. Как правило, авторы обычно стараются закончить свою статью какой-либо хорошей мыслью, чтобы оставить у читателя благоприятное впечатление о ней. Нам придется пойти против данной традиции, чтобы объяснить столь острый, резко пронизательный и нетерпимый характер исследуемого нами ученого.

Автор послесловия «О М. Маклюэне» к книге «Понимание медиа» М. К. Вавилов пишет: «С 1950 г. с Маклюэном стали происходить случаи отключения и полной потери сознания. В 1967 г. была проведена сложнейшая операция, в результате которой у Маклюэна была удалена опухоль под мозгом размером с теннисный мяч. Хотя Маклюэн выздоровел удивительно быстро, его послеоперационное состояние сильно изменило его жизнь. Будучи впечатлительным и легко возбудимым и до операции, теперь он стал (как отмечали все, кто хорошо его знал) просто сверхчувствительным (hypersensitive). Кроме того, Маклюэн обнаружил, что из его памяти бесследно стерлось то, о чем он читал последние несколько лет» (6, 415).

Теперь обратим внимание на хронологию его публикаций:

— «Механическая невеста: фольклор индустриального человека» (1951);

— «Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего» (1962);

— «Понимание медиа: Внешние расширения человека» (1964);

— «Медиа — это сообщение: Перечень последствий» (1967), в соавторстве с Квентином Фиоре;

— «Война и мир в глобальной деревне» (1967), в соавторстве с Квентином Фиоре;

— «От клише к архетипу» (1970), в соавторстве с Уилфредом Уотсоном;

— «Город как учебная аудитория» (1977), в соавторстве с Кэтрин Хатчон и Эриком Маклюэном.

Как мы видим, в год операции и в последующее время он самостоятельно не написал ни одной работы. Скорее всего, его черновики были доработаны другими авторами и опубликованы совместно. Но нас интересует другое. Данная опухоль не могла

появиться за очень короткое время, скорее всего, она присутствовала и раньше и давила на нервные волокна его мозга, что и вело его к пронзительным и острым мыслям. Возможно, что своего пика опухоль достигла в годы написания им двух своих главных произведений. Не исключено, что именно этим объясняется гениальность автора. Такое в истории было не раз, например, приступы эпилепсии у Ф. М. Достоевского или высокая температура с лихорадочным состоянием у В. Ван Гога, когда он писал основной вариант «Подсолнухов».

Использованная литература

1. Архангельская И.Б. Герберт Маршалл Маклюэн: От исследования литературы к теории массмедиа. Монография. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007, 210 с.
2. Большая советская энциклопедия // <http://niv.ru/doc/encyclopedia/bse/articles/10737/tehnologiya.htm>
3. Большой толковый социологический словарь = Collins dictionary of sociology: Рус.-англ. Англ.-рус. / Дэвид Джери, Джулия Джери. — М.: Вече: АСТ, 1999, Т. 2: П-Я. — 527 с.
4. Большой энциклопедический справочник: БЭС: [Пер. с англ.]. — М.: Астрель: АСТ, 2009. — 943 с.
5. Маклюэн Г.М. Галактика Гутенберга: становление человека печатающего / пер. И. О. Тюриной. — М.: Акад. Проект: Фонд "Мир", 2005. — 495 с.
6. Маклюэн Г.М. Понимание медиа: внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева. — 2-е изд. — М.: Гиперборей, Кучково поле, 2007. — 462 с.
7. Новейший социологический словарь. Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин и др. — Мн: Книжный Дом, 2010. — 1310 с.
8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка М.: Мир и Образование, Оникс, 2011. — 736 с
9. Фролов И.Т. (ред.) *Философский словарь (7 издание)*. — М.: **Издательство: Республика, 2003 г. — 576 с.**

References

1. Arkhangel'skaya I.B. *Gerbert Marshall Maklyuen: Ot issledovaniya literatury k teorii massmedia* (Herbert Marshall McLuhan: From the Study of literature to the theory of mass-media), Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 2007, 210 p.
2. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya*, available at: <http://niv.ru/doc/encyclopedia/bse/articles/10737/tehnologiya.htm>
3. *Bol'shoi tolkovyi sotsiologicheskii slovar'* (Collins Dictionary of Sociology: Rus.-angl. Angl.-rus.), Devid Dzheri, Dzhuliya Dzheri, Moscow, 1999, vol. 2, 527 p.
4. *Bol'shoi entsiklopedicheskii spravochnik* (Big Encyclopedic Reference Book), Moscow, 2009, 943 p.
5. Maklyuen G.M. *Galaktika Gutenberga: stanovlenie cheloveka pechatayushchego* (Gutenberg's Galaxy: the Rise of the Typist), Moscow, 2005, 495 p.
6. Maklyuen G.M. *Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka* (Understanding Media: External Human Extensions), Moscow, 2007, 462 p.
7. *Noveishii sotsiologicheskii slovar'* (The Latest Sociological Dictionary), Minsk, 2010, 1310 p.

8. Ozhegov S.I. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* (Explanatory Dictionary of the Russian Language), Moscow, 2011, 736 p.
9. Frolov I.T. (ed.) *Filosofskii slovar'* (Philosophical Dictionary), Moscow, 2003, 576 p.